

Жена, соратница, ВДОВА

Павел Гутинтов

Главной темой февральского номера журнала стала смерть Ленина, отражённая в различного рода материалах — документах, воспоминаниях, расследованиях. Пробелом можно считать разве что скромное место, отведённое Надежде Константиновне Крупской, которая до самого конца оставалась рядом с вождём. Воздадим ей должное.

Её считали одним из самых сильных большевистских агитаторов. А статус «жены Ленина» стал обозначать не столько семейное положение, сколько государственную должность. Свалившаяся на неё власть счастья не принесла: по мере того как прогрессировала болезнь Ленина, жизнь Надежды Крупской оказывалась всё труднее, а потом и вовсе стала невыносимой.

29 января 1924 года Крупская написала короткое письмо близкому сослуживцу покойного мужа (ещё ниоткуда не уволенному, члену политбюро, председателю Реввоенсовета). Письмо очень человеческое, одно из немногих ею написанных, к которым можно применить это определение.

«Дорогой Лев Давыдович!

Я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даёте характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечитать это место, слушая внимательно, потом ещё раз просматривал сам.

▲ Крупская на похоронах Ленина.
27 января 1924 года

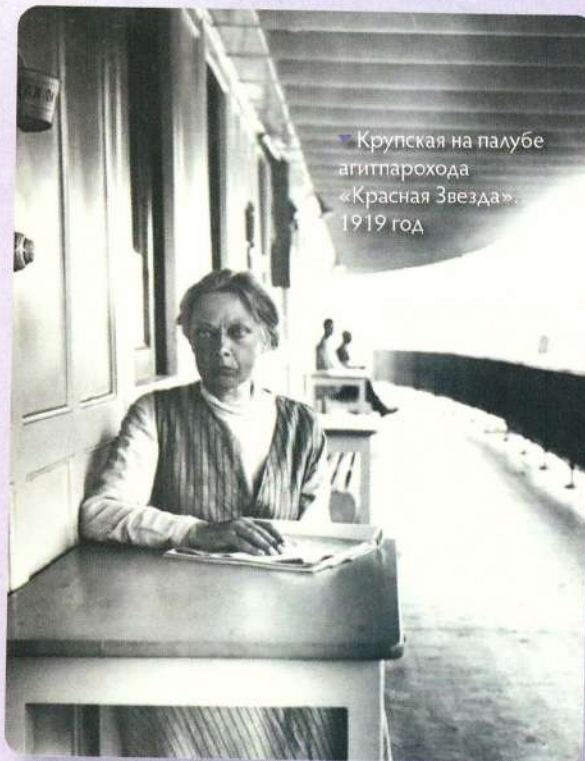
И ещё вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у Владимира Ильича к вам тогда, когда вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю».

Конечно, Троцкий использовал это письмо на все сто процентов в борьбе за власть, которая разворачивалась среди бывших товарищей, где каждый только и смотрел, как бы сожрать друг друга. Троцкий это письмо опубликовал, а Крупскую вынудили объясняться (за неуместную переписку) и посыпать голову пеплом.

В 1939-м тот же Троцкий, чьё имя в России уже превратилось в грязное ругательство, так откликнулся на смерть Крупской из своего мексиканского изгнания:

«Сталин всегда жил под страхом протеста с её стороны»

«...Болезнь и смерть Ленина — опять-таки не случайно — совпали с переломом революции, с началом термидора. Крупская растерялась. Её революционное чутьё боролось с духом дисциплины. Она пробовала сопротивляться сталинской клике и попала в 1926 году ненадолго в ряды оппозиции. Испугавшись раскола, она отшатнулась. Потеряв веру в себя, заметалась, а правящая клика делала всё, чтобы нравственно сломить её... Сталин всегда жил под страхом протеста с её стороны. Она слишком многое знала. Она знала историю партии. Она знала, какое место занимал в этой истории Сталин. Вся новейшая историография, которая отводила Сталину место рядом с Лениным, не могла не казаться ей отвратительной и оскорбительной.

Крупская на палубе агитпарохода «Красная Звезда», 1919 год

Сталин боялся Крупской, как он боялся Горького. Крупская была окружена кольцом ГПУ».

О ней писать трудно. Ищешь хорошие, добрые черты, поступки, нанизываешь их, как бусинки на нитку, получается красивое ожерелье. А что она сделала? Была женой и самым близким соратником человека, фанатика, переломившего хребет собственной страны, да и всего мира (и, как стало очевидно, — совершенно напрасно)? По мере сил содействовала ему, этому человеку, соучаствовала? Помогала создать небывалую партию, главным принципом, иконой которой было — «единство»; и ради «единства» этого ничто не становилось препятствием?

А зачем оно, это «единство», если на минуту задуматься?

Очень быстро стало предельно ясно, что прикрывало оно единственную цель — незамутнённую диктатуру, тем более жестокую, что устанавливалась она в нищей, безграмотной стране, и так изнасилованной предшествующими правительствами. Но предложен был гениальный рецепт: всё перевернуть кверху дном, кто был ничем, тот станет (когда-нибудь) всем, а пока предлагалось терпеть и совершать героические подвиги, которые восславят поэты. «Через четыре года здесь будет город-сад», хотя изначально строилось государство-тюрьма, сочинённое в теориях ни минуты нигде не работавшими кабинетными алхимиками. И, конечно, единственной подлинной скрепой этого государства только и могла быть идеология осаждённой крепости, окружённой злобными врагами. Причём врагом мог оказаться каждый — сосед, жена, брат, даже верный товарищ по этой самой партии. И оттого «новый человек» оставался всё так же невежественен, нелюбопытен, но зато приобретал совершенно необходимые черты: злобную подозрительность, свирепое самодовольство, невиданную безжалостность.

Единственным реальным делом Крупской осталась её работа в Наркомпросе. С момента создания Главполитпросвета (идеологического

Крупская (третья слева) на заседании коллегии Наркомата народного просвещения. 1935 год

подразделения наркомата) она была его бессменным председателем. У неё были хлопотливые обязанности: ликвидировать в стране безграмотность и привить ей подлинную культуру — тоже новую.

А чтобы выполнить эти задачи, сначала надо было разрушить по максимуму всё, что делалось раньше. Надо сказать, с этой задачей Крупская справилась отлично.

«В течение 1929-1930 гг. провести пересмотр книжного состава всех библиотек и очистить от идеологически вредной литературы», ибо «библиотеки получили в наследство большое количество черносотенной и религиозной литературы».

И далее по списку.

Привлекать к просмотру работников комвузов, работников Главлита, представителей ОГПУ.

По общему отделу изъять старые библиографии, особенно общественно-политические, старые энциклопедии (Брокгауз и Ефрон, Гранат могут быть оставлены, но с неременным указанием на то, что многие

сведения в них устарели). Из старых массовых энциклопедий, состоящих из отдельных выпусков по отдельным дисциплинам и темам, следует изъять выпуски, посвящённые общественно-политическим темам и истории.

«Я не могу быть гражданином страны, где законодательствуют сумасшедшие бабы»

Беллетристика. Из дореволюционной литературы подлежат изъятию произведения, не представляющие художественной или социальной ценности, а особенно те, что, не имея крупного литературного значения, проникнуты реакционными тенденциями, религиозным, суеверным настроением...

Из пореволюционных. Подлежат изъятию из всех массовых библиотек: произведения, дающие искажённое представление о классовой

борьбе под прикрытием якобы революционной тематики; продвигающие чуждую тематику.

Из небольших библиотек должны быть изъяты.

Произведения, даже и значительные в отношении литературного мастерства, «проводящие настроения неверия в творческие возможности революции, настроения социального пессимизма». Например: М. Булгаков. «Дьяволиада» («Недра», 1926); Е. Замятин. «Нечестивые рассказы» («Крут», 1927); С. Сергеев-Ценский. «В грозу». («Федерация», 1927) и другие.

Особенные перспективы открывало перед «очистителями» библиотек упоминание «и др.» в этих списках.

Произведения, признанные подлежащими уничтожению, приводятся в ГПУ (где же ещё? — П. Г.) в негодность к употреблению для чтения, после чего могут быть проданы как сырьё для переработки в предприятиях бумажной промышленности с начислением полученных сумм в доход казны по смете ГПУ.

«Дело в том, что жена Ленина, человек по природе неумный, страдающий базедовой болезнью и,

▼ Крупская (в центре) в президиуме торжественного заседания по случаю 25-летия Международного женского дня. 1935 год

Из выступления Павла Лебедева-Полянского, начальника Главлита:

«Булгаков представил роман ещё замечательнее. Какой-то профессор подхватил на улице собачонку, такую паршивенькую собачонку, никуда не годную, отогрел её, приласкал её, отошла собачонка. Тогда он привил ей человеческие железы. Собачонка выровнялась и постепенно стала походить на человека. Профессор решил приспособить этого человека в качестве слуги. И что же случилось? Во-первых, этот слуга стал пьянствовать и буянить, во-вторых, изнасиловал горничную, кажется. Потом стал уплотнять профессора, словом, безобразно себя вёл. Тогда профессор подумал: нет, этот слуга не годится мне, и вырезал у него человеческие железы, которые ему привил, и поставил собачьи. Стал задумываться: почему это произошло? Думал, думал и говорит: надо посмотреть, чьи же эти железы я ему привил. Начал обследовать больницу, откуда он взял больного человека, и установил — "понятно, почему всё так вышло — я ему привил железы рабочего с такой-то фабрики". Политический смысл тут, конечно, ясен без всяких толкований. Мы, конечно, не пропустили такой роман, но характерно, что была публика так настроена, что позволяла себе подавать такие романы...»

значит, едва ли нормальный психически, составила индекс контрреволюционных книг и приказала изъять их из библиотек. Старуха считает такими книгами труды Платона, Декарта, Канта, Шопенгауэра, Спенсера, Маха, Евангелие, Талмуд, Коран, книги Ипполита Тэна, В. Джемса, Гейфдинга, Карлейля, Метерлинка, Ницше, О. Мирбо, Л. Толстого и ещё несколько десятков таких же "контрреволюционных" сочинений...

...Несколько дней я прожил в состоянии человека, готового верить тем, кто утверждает, что мы возвращаемся к мрачайшим годам средневековья. У меня возникло желание отказаться от русского подданства, заявив Москве, что я не могу быть

гражданином страны, где законодательствуют сумасшедшие бабы. Вероятно, это было бы встречено смехом и, конечно, ничего не поправило бы».

Так Максим Горький писал Роллану 15 января 1924 года. Что, правда, не помешало ему через шесть лет прибыть в СССР, с удовольствием принять славу и почитание, предложенные ему в цитадели «мрачайших лет средневековья», и стократно отработать их.

Дошло до того, что член президиума Центральной контрольной комиссии при ЦК ВКП(б), член партии с 1898 года и известный (выполнением

▼ Крупская с пионерами. 1936 год

сталинских поручений разного рода моральной допустимости) пропагандист Емельян Ярославский неожиданно обнаружил, что в ходе усердной чистки библиотек от идеологически вредной литературы с полок были изъяты не только некоторые его произведения. Мало того, под запретом оказались отдельные книги Маркса, Ленина и (о ужас!) Сталина!

И 5 сентября 1932 года он отправил длинное письмо Сталину, председателю Центральной контрольной комиссии (ЦКК) при ЦК ВКП(б) Рудзутак и секретарю ЦК Постышеву, в котором говорилось: «Изъята... вся профсоюзная литература, выходящая до V-го пленума ВЦСПС VIII созыва; литература о безработице и непрерывке — о переходе на 7-ми часовой рабочий день; почти вся массовая литература по кооперации, по соцстраху, охране труда, колхозному и совхозному строительству, изданная до 1930-31 гг. <...>

По Москве и области специальная бригада из товарищей Модестова, Этингофа, Лебединского, Бузиньера изъяла книги: из библиотеки МОНО: Вэбб "История тредюнионизма" (напомню, что Ленин в ссылке занимался переводами Вэбб); Лозовского — "Вопросы мирового профдвижения" и ещё 4 книги разных названий его же; Фриче "Очерки по истории рабочего движения на Западе" и др.»...

В конце концов вопрос о бездумной чистке библиотек дошёл до политбюро, которое 23 октября 1932 года Крупскую одёрнуло: «Ввиду совершенно недопустимого, по существу антисоветского характера, который приобрела чистка библиотек за последние два года, немедленно прекратить чистку и вывозку книг из всех библиотек».

Особенное внимание Крупская уделяла детской литературе. Она лично запретила многие сборники сказок и отдельно издававшиеся «лубочные сказки», включая любимых народом «Бову Королевича» и «Еруслана Лазаревича». Выбросили из библиотек и дореволюционную детскую литературу. В январе 1928 года в очередной раз вышла из печати сказка «Крокодил» Чуковского (написанная, кстати, ещё до революции). А уже 1 февраля в «Правде» появилась огромная статья Крупской:

▲ Крупская на Втором съезде колхозников-ударников. 1935 год

«Надо ли давать эту книжку маленьким ребятам? Крокодил... Вместе с забавой здесь даётся и другое. Изображается народ: народ орёт, злится, тащит в полицию, народ — трус, дрожит, визжит от страха ("А за ним-то народ и поёт и орёт...", "Рассердился народ и зовёт и орёт, эй, держите его да вяжите его. Да ведите скорее в полицию", "Все дрожат, все от страха визжат..."). К этой картинке присоединяются ещё обстриженные под скобку мужички, "благодарящие" шоколадом Ваню за его подвиг. Это уже совсем не невинное, а крайне злобное изображение, которое, может, недостаточно осознаётся ребёнком, но залегает в его сознании...»

И вывод: «Я думаю, "Крокодил" ребятам нашим давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть».

Понятно, что, учитывая такие научные заслуги Крупской, в феврале 1931 года Общее собрание Академии наук СССР единодушно избирает её своим почётным членом.

При этом Крупская много времени уделяла пропаганде наследия покойного мужа. В декабре 1924 года она передала Сталину рукопись первой части своих воспоминаний.

К радости получателя, рукопись затрагивала события до 1907 года и не содержала никакого антисталинского компромата. Оружием в политической борьбе эти мемуары стать не могли. Так что Сталин мог спокойно ответить: «Надежда Константиновна! Прочитал Ваши воспоминания залпом и с удовольствием. Нужно обязательно напечатать, по возможности без изменений».

Но после того как некоторое время спустя она ненадолго вошла в оппозицию, её стали разносить, уже не слишком выбирая выражения; не забыли сталинцы и о воспоминаниях Крупской. Многие места мемуаров (которые недавно восхищался генеральный секретарь) подверглись критическому обсуждению.

Продолжения мемуаров, по мере их создания, становились всё более и более «политически неприемлемыми».

Документы свидетельствуют, что вполне языческую идею Мавзолея (куда трудящиеся смогут прийти на поклонение к «вечно живому» вождю и «повидать» его) пробрили председатель Комиссии по организации похорон Ленина Дзержинский и такие члены комиссии, как старый большевик Красин и «троцкист» Муралов. Им горячо возражал «сталинист» Ворошилов. Сам генсек в дискуссии (вопреки общему мнению) по этому поводу не участвовал вообще. Крупская, как и вся семья Ульяновых, вроде бы была против. Но партийная дисциплина оказалась выше и здесь. Её робкими просьбами, как обычно, пренебрегли. Каждое посещение Мавзолея, куда её загоняли буквально силой, оборачивалось тяжёлым ударом по психике, а просьбы «похоронить мужа по-человечески» кремлёвский горец высокомерно игнорировал, угрожая «подобрать вождю другую вдову».

▼ Крупская.

Подпись под фото: снимок сделан в Наркомпросе в 1937 г.

Надежда Константиновна
Крупская
Снимок сделан в Наркомпросе в
1937 г.

ФОТОРЕПОРТЕР
БОРЩОВ А. И.

Мужественная и последовательная позиция вдовы, увы, не более чем легенда. Равно как и «смелые выступления» Крупской на партийных съездах. Да, она «запятнала» себя участием в «ленинградской оппозиции» вместе с Зиновьевым, Каменевым и Сокольниковым. Но её обе речи на XIV съезде отчаянной смелостью отнюдь не поражают:

«Конечно, в борьбе с меньшевиками и эсерами мы привыкли крыть наших противников, что называется, матом, и, конечно, нельзя допустить, чтобы члены партии в таких тонах вели между собою полемику. Необходимо поставить определённые рамки, научиться говорить товарищески. Но те сомнения, те взгляды, те особенности, которые вытекают из наблюдения отдельных

▲ Крупская в доме отдыха «Архангельское». Московская область, Красногорский район, 1936 год

Топтать Бухарина уже тогда было простительным

областей работы, они должны обсуждаться на страницах прессы. Последнее время этого не было, отдельные мнения не получили выражения на страницах нашего центрального органа, и благодаря тому, что этого не было, партия не подготовлена к дискуссии, которая, как снег на голову, обрушилась на партию за две недели до съезда».

Большая часть речи посвящена шельмованию тогдашнего сталинского союзника Бухарина и его пресловутого лозунга: «Обогащайтесь!» Но топтать Бухарина уже тогда было простительным.

Однако уже на следующем съезде Крупская даже такого вольнодумства себе не позволяла:

▶ Крупская. 1935–1938 годы

«Товарищи, я не буду говорить о тех крупнейших политических и организационных ошибках, которые делала оппозиция. Об этом уже достаточно говорилось. Мне кажется, основная причина этих ошибок в том, что оппозиция потеряла чутьё, понимание того, чем дышит рабочий класс, чем дышат и живут передовые слои рабочего класса. (Мануильский: «Правильно!») Оппозиция потеряла ощущение тех колоссальных задач, которые стоят сейчас перед партией».

А на XVII съезде она вообще униженно извинялась и каялась. Цитировать стыдно.

И ради чего всё это делала?

Шесть лет назад «Огонёк» написал:

«Последние годы жизни Крупской были даже не печальны — трагичны. Мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем, кого на самом деле она любила, но вот кого ненавидела, угадать нетрудно. Ей пришлось бессильно наблюдать, как Сталин планомерно уничтожает одного за другим её старых товарищей по партии».

Боже, как же нам хочется найти (среди них) людей, способных сделать эту систему хоть чуть-чуть лучше! Бухарина, Каменева, Рыкова... Крупскую...

...Умерла Крупская (от приступа аппендицита) на следующий день после того, как отметила своё 70-летие, и накануне XVIII съезда, где, как почему-то считается, она собиралась выступить «и сказать Сталину — всё».

Что именно она «собиралась сказать», никто, увы, уже никогда не узнает. Но мы хорошо знаем, чего она не сказала до этого.

Большой террор ко времени съезда успел закончиться; оставался террор просто.

Она не сказала ничего. ▽

▼ Похороны Крупской на Красной площади. Москва, 28 февраля 1939 года

